

Из
ДРЕМУЧЕЙ ЛАВКИ
("фрагменты эпоса" (?))

* * *

Я поражен бесконечностью оумрачной дрожи
Строчки, которую неостовать не суждено:
Все она теплится, все воплотиться не может, ---
Время уходит, и гаснет под утро окно.

Медленных невыразимостей: власть безвыходна,
Сердце обрящет в окале воплощений итог, ---
Но между онами, под вечности светлые своды,
Жизни твоей проточился немой ручеек...

Мы переждали! упущена нить золотая!
Мы засыпаем, --- прощай, полупризрачный вздох!..
Но между онами --- рожденная строчка мерцает, ---
Кто же прочесть ее, невыразимую, смог?..

* * *

*...ЗАБЫТЫЙ БОГ! МОИ ГЛАЗА ПУСТЫННЫ,
РАСТАЯЛА ЖЕЛАЕМАЯ ВСЬ,
КОГДА ИЗ СЕРДЦА СКАЛЫ ВОЗНЕСЛИСЬ,
И ОБЛАКА КАЧНУЛИСЬ И ЗАСТЫЛИ.
КОГДА НА ДНЕ СОЗНАНИЯ, НА ДНЕ
ПУСТОГО СТРАХА --- ВЫРАСТАЛИ КАМНИ,
В ЧЬИХ ТРЕЩИНАХ НЕМЫМИ ПАУКАМИ

ПОЛЗЛИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБО МНЕ,
КОГДА В МОЛЧАНИЕ ВЯЗКОМ ЗАБЫТЫЯ
ПЕСЧАНЫХ ВОЛН ВЗМЫВАЛИ В НЕБО ЗВЕЗДЫ,
КОГДА Я, ПАВШИЙ, В КАМНЕ БЫЛ ОСОЗНАН; —
ЗАБЫТЫЙ БОГ, ЗАБЫЛ ЛИ ТЫ МЕНЯ?.."

.....
.....
..... * .. * .. * ..
.....

"...Но даже в черных днях
Отыщем водоём
Целительной, забытой книги яда;
Очищенного в сумрачных корнях,
Которыми ползем,
Дабы деревьями божественного взгляда
Восстать и душ своих взорвавшуюся клеть
Сквозь паутину радуг разглядеть!.."

.....
.....
..... * .. * .. * ..
.....

СЛИТОК СВИТКА В ПРУДУ ЗАТОНУЛ
НАКЛОНЯСЬ НАД ЗЕРКАЛЬНОЙ ВОЛНОЙ
ОЖИДАЮ ПРИЗЫВА КО ДНУ
НА, ДОЗВОЛЕННЫЙ НЕБОМ ПОКОЙ
ЗНАЙ ЗА ЗЕРКАЛОМ Я РАСПРОСТЕРТ
В ГЛУБИНЕ В ТИШИНЕ ВЕР ДНА
СЕРДЦА ЧРЕЗ ИЕРОГЛИФ ЦВЕТЕТ
ЛОТОС ЧУДНЫЙ СВЯТАЯ СТРУНА
О. КАК САМОЗАБВЕННА ОНА
БРАХМАЛОКА ВЕЛИКОГО СНА
В СВИТОК ПУТЬ СВОЙ СКРУТИЛ ПИЛИГРИМ
ВЛИЛ ДО ДНА ПРУД ПРОЗРАЧЕН НАД НИМ
О. КАК ОН ОЗАРЕН СИНЕВОЙ
И ТАК БЫЛО ТАК БУДЕТ ВСЕГДА
МОЕГО СЛИТОК СВИТКА ЗЛОТОЙ
БЕСКОНЕЧНОСТЬ ОЗРИТ ИЗ ПРУДА
СТОЛЬ СПЛОЧЕННЫЙ В СЕБЕ ЧТО НЕВМОЧЬ
ЗНАКОМ ЗНАК ЗАМЕНИТЬ ОТДЕЛИТЬ
СЛОГ ОТ СЛОГА В БЛАЖЕННУЮ НОЧЬ
ВЕЧНО ДАБЫ ЗВЕЗДОЙ МОГ СВЕТИТЬ

АНДРЕЕВ МИРОСЛАВ

ИЗ ДРЕМУЧЕЙ ДАВКИ

— фрагменты эпоса —

Измурдных крыльев аромат.
Крылья поднимались и хрустели,
Синим светом крапинки горели
И сплетали плавные метели.
Монотонно бабочка текла
И сплошной завесой в синих звездах.
Шелестела, плавилась, и сплав
Ароматом переполнил воздух.
Сонный бархат, полный бирюзы,
Шумно падал, тихо поднимался.
И, внезапно вспыхнув, загорался,
Но несуществующим казался.
Звонкой каплей набухал полет;
Лес вдали, навязчивый и хмурый,
Фосфор медленно на старых пнях цветет,
Дремлют блики, тени и фигуры.
Крылья поднимались и хрустели,
Рядом в травах теплый ветер жил,
В темноте поскрипывали ели,
Скрип тянулся, всхлипывал и плыл.
Синим светом крапинки горели,
Вздрагивали остро и тепло,
И в кольцеобразном темном теле
Их лучей владычество текло,
И сплетали плавные метели
В нем лучи и звали поскорей
Полететь, и сами полетели
Прежде, чем полет проснулся в ней.
Монотонно бабочка текла,
И дрожал экран воображенья,
А вокруг вибрировала мгла

До истома, до изнеможенья:
 И сплошной завесой в синих звездах.
 Возникали крылья над землей,
 Лес невидим — до конца осознан —
 Он исчез, а бабочка живет.
 Шелестела, плавилась, и сплав,
 Постепенно накрывая стебли,
 Всю усталость их в себя вобрав,
 Приносил росу на дённом гребне;
 Ароматом переполнил воздух;
 Тонкой скрипкой переполнил слух,
 А на небе сумрачном пастозно
 Синих красок набросал игру.
 Шумно падал, тихо поднимался,
 Распадался праздничный наряд,
 И клочков торжественная масса
 Осыпалась, словно виноград.
 И, внезапно вспыхнув, загорался
 Взгляд в глубоких выпуклых глазах,
 Отмечая, как, рассыпав краски,
 Представал последний слабый взмах.
 Но несуществующим казался
 Взмах крыла с опавшею пыльцой,
 Желтый взгляд к ресницам возвращался,
 Пелену набросив на лицо.
 Звонкой каплей набухал полет,
 Но сорвалась капля и открыла
 Все, что за ночь вобралось в нее,
 Все, что прятали развернутые крылья:
 Лес вдали — навязчивый и хмурый —,
 Потянулся, скрипнул и зевнул,
 За холмами солнце покачнулось,
 Прокатился розоватый гул;
 Фосфор медленно на старых пнях цветет,
 Отцветает, меркнет, умирает,
 Контур крыльев теплится, плывет
 И, слегка подрагивая, тает.
 Дремлют блики, тени и фигуры —
 Но вот-вот очнутся и сотрут
 Неоглядной пустотой лазури
 Боги дня таинственный уют.
 Исчезает бабочка, а с нею

Влага опрокинутой слезы,
А в пожаре мечется и тлеет.
Сонный бархат, полный бирюзы,
Догорают синие ресницы,
Облака рождая невпопад,
Но весь день деревьям станет сниться
Изумрудных крыльев аромат.

..... * .. * .. * .....

Обваривший откосы парильни затонов ушат,
Многобоки оскалы напрасных грез бытия:
Заманил, точно посохом дивьего звона кружа,
За порог усвистал сон проказливый, роз чешуя;
Заострил поздних рос камарилью, то ли, спеша,
О дороге зазвал — тёрна лазом, возле ручья
Говорил: звездный плес подарил! — укромен и шал,
В огородах лежал, черным глазом звезды жуя.
Я уж издревле, мол, — раздавался кристальный поток,
Выплывающий Веспер востока лучами смешлив,
Допивая с ним вместе от рока отчаянных нив, —
Все мы изданы в шелковом царстве окраинных строк!
Словно стреляный след от скорбей обретенных миров —
Кровной трели, рассвет, воробей пробужденных хлебов.

..... * .. * .. * .....

..... Бабушке Софье .....

... Дитя украдкой крести,
Дитя тобою не угадано,
София, — сон, клубень ладана,
И даль пути...

Явь яблока — до зерен свет его, —
София, сон! — песнь, урожай,
Зрак памяти завета светлого,

Злак жертвенный, на злаке — ржа...

София! — детства сон и сонны.
Преображенные плоды,
И не пугающе иконы
Глядят на дно моей беды.

Щуметь бы дереву из притч листвою!
София, пьян твой хлеб, но мудр твой сон,
Дитя украдено язычеством.....
И божий дом давно снесен.....

София, мед! но для меня бы,
София, — ладан все, исполненный
Свечения прозрачных яблок.
Той церкви голубого поляня!

Быть может; серафимов сонмище —
Аляповата роспись, стих! —
Мне и в последний час припомнится —
И даль пути,

И тополей рассветных пух летит
Сквозь чад отчаянных времен,
И мудро терпеливый лик глядит,
Как если буду я спасен...

Как ты был счастлив, мир, не ощущавший
Отсчета времени, застывший в полумгле
Зеркальной, самозидившейся чашей
На золотом божественном столе].

Разбилась чаша, отчего — не скажешь словом,
Но лишь припомнишь солнечный мотив,
Когда в груди очнувшийся осколок
Запляшет, сердце взглядом одарив:

Пускай луч взгляда вечером сегодня
Осветит веточку сухого олеандра,

Завороженную в продолговатой вазе
Молчаньем пропасти, разверстой под окном;

Пускай высвечивает завтра луч упрямый
Перстод полупрозрачных хладный трепет
И губ нашептывающих прикосновенья
К смертельным ягодам, оранжевым, душистым...

Пусть хоть когда-нибудь наш мир, невероятно
Раздробленный, — единством — — — воплотимым
В засохшей веточке, рождениях Мореллы, — — —
Познает взгляд и пропадет счастливым!..

..... * .. * .. * ..
Увы! притворство правду говорит:
Не свергнуто двоящееся царство.
Ты возродишься у великих плит,
Не узнавая вечного коварства,

..... И вдаль пойдешь. И вправду далека
..... Твоя дорога до рожденья боли! ..
..... И будет поступь сонная легка,
..... И зашепочет ноздри ветер воли:

И кто подскажет радости твоей
Упасть и плакать, не сходя на землю!
Но ты спешишь, ты жаждешь новостей,
Гуденью плит оставленных, не внемя.

..... * .. * .. * ..
НЕ ПЛАЧЬ, КАК СЛОВО, ЗАВЯЗАЯ В КАМНЕ,
НО РАЗБИВАЯ СЕРДЦЕ, АНГЕЛ МОЙ, —
НЕИЗРЕЧЕННОЕ, ВЗМАХНУВ КРЫЛАМИ,
КРИЧИТ ПОСЛЕДНИЙ РАЗ НАД ПУСТОТОЙ,
ПЕЧАЛИ СМЕХ НЕ ЗАГЛУШАЯ В СПОРЕ

СУДЕБ, — И ЗОВ УЖЕ НЕ ПО ТЕБЕ
ЖЕЛАНИЯ, ЧТО СВЕТА ГОРЯ
ИЗ ТАЙНЫ ЭХА В ИЗНАЧАЛЬНОЙ ТЬМЕ...

.....
.....
..... * .. ж .. х, ..
.....
Бедность моих отчуждений не такова,
Чтоб терпеливейший штрих угасал, непреложен.
В памяти лишь, где застывшие туч острова.
И водопад на рисунке, что был уничтожен.

..... В миг той обаянной застылости вод наклонясь, —
..... Тенью отчетливой громко низринуться с ними
..... Вниз; успевая; ожившей пеной кружась, —
..... Тучной тоской отражаться в качнувшейся сини.

Так, может быть, неподвижность рисунка сотру.
Небо, о дай же звучание крику той птицы,
Что, всколыхнув барбарисовый куст, на ветру
Правит паренье и дразнит меня возвратиться!..

.....
.....
..... РАСТВОРЕННЫЕ .....

Не плакала сосна — торжествовала
Янтарной радостью поэмы красноствольной,
Хлебнувший, хмеля в хвойных опахалах
Прозрачный воздух рвался в мир наш дольний,
Хрустящее пространство, настигая
Всей силой света, зелени и мглы.
Кипучих веток; смехом птичьей стаи; —
Как бы сказало: мы ему милы.
И сможем здесь приноровиться к тиши,
Шепчась кустами, мхами зарастя,
Ползти в корнях, и по стволам, и — выше
В неторопливых образах пути,
Пусть лет пройдет неисчислимо много —
Здесь будет просто некому считать:
Заброшенная желтая дорога,
Из наших тел проложенная гать...

Лишь иногда — как и теперь — и вечно.
Случайный шаг введет людей сюда,
В багульник дымный скажет шепот лечь им,
И ключевая зажурчит вода, —
И песня эта сердцу не наскучит, —
Не забудьте, но верность бытию,
Когда набухшие сиреневые тучи
Напоят сочным ритмом сень твою,
Наполнят ощущением простора —
Без неподвижности умышленной границ, —
Когда под молниями рвутся мухоморы
Из глубины, распластывая ниц
Обычных жизней суеверный трепет, —
Что звездам чужд и не познал земли, —
А шляпки наливаются и крепнут,
Чтобы раздавленными в полдень быть в пыли...
Земля исчезнувших!.. Откройся и сокройся —
Все неизменно в местностях тоски,
Скользят во тьму искутанные лоси,
Когда бредут гурьбою грибники.
Вернись в предощущение печали! —
Там вспомнишь прежний облик, здесь слепой,
Там, исчезая, вечно расцветали.
И мир вели негибнущей тропой
К исчезновению, и пробуждалось море,
И мальчик снова находил янтарь,
И бесконечность зыблилась во взоре
Лукавой искоркой всеведения, как встарь, —
Улыбкой! — именно — прозрачною улыбкой,
Ознобной ясностью покоя бирюзы,
Хранящей тайну — мир простой и зыбкий,
Как терпкий сок грибной после грозы,
Как наша непонятная тревога,
Когда под щебет, надоевших слов,
Свернув с дороги, — не узнали Бога,
Ломая ветви для своих венков.

Х
А
И
Ж
У

С В В
У И В
Х Х О
У Р С
Ю Ъ Е
П З Н
Ч А И
Е Н Й
Л Е С
У С З
Н А К
А Т
Р И С
У Н О
К

Ф Н Ф
А А А
Н Ш К
Т Л Е
А И Л
С П М
И Е С
Н О П
А Ч И
Н Ы К
О Й А
Ч З А
Ь М О
К

Э С Д
Е Л Р
Л А Е
Е Д В
Н К Н
Ь О Е
В С У
Е Л К
Р Е К
Ш Д О
И И Р
Н Т Н
Ь Ю
О Б Л
А К А

Ц В В
В Е К
Т И Н
Е Т Б
Ж О Н
А Ю Ы
О С Е
Р Ъ В
И Р Е
К Р А
О З В
С М И
Е Ж
И Т
Ь

В В В
Е Е Э
Т Ч Э
О Н Т
Ч О М
К П
А Ц
В О Т
И К Р
Ш Ч Х
Н И С
И В Т
А И Ш
Я С Ъ
И

С В В
Т А Г П
Р Л Л
С Ю Б
К И С
О Р Д
Б О Р
Н М Ч
И А К
С М
М Р З
С А Г
Ц А Л
И О Х

Т
А
Н
К
А

С О Т В З
О Т М К Б
Л Т Е Р О
Н Ш К С С
Ц А К С С
Е Л Т Л Т
З Ъ О Е В
А К И С Л
Р К А Ж Я
Ш Х О У Т
К О Р Е В Ъ
О Ш О ! В Р
О . . . . . М
Ч . . . . . Е
А

.....
 * * *
 .....

Осень сошла, сошла
 Поздняя осень сердца,
 На перекрестках зла
 В желтых домах греться.

Этот мир за окном,
 Этот наджизненный трепет,
 Словно и не живем, ---
 Нету тебя, нету!

Словно растерзанный лик, ---
 Сломленный, незаменимый,
 Смертью, смертью возник,
 Песню нетерпеливой.

Как? неужели Она
 В тусклой, развернутой сваре,
 В грязи, в копоти дна ---
 Легкою киноварью?!

Света ли слепота
 В очи пустые, в плиты...
 Как? Неужели с листа ---
 Шелест немой молитвы?

Боже! но я ни при чем!
 Я никогда и не был...
 Вечность --- светла --- течет,
 Землю стирает небо.

.....
 * * *
 .....

Опять дождливой ночью будет сниться
 Угар погони сквозь корявый сад,
 Опять на обгоревшей колеснице
 Промчусь, и кони дико захрипят.

Но странно: неподвижны в небе стаи
 Высоких птиц --- лишь слышу песен грусть,

Деревья, раздеваясь, ускользают,
А я в их спины врезаться боюсь.

Они бегут, ломая корни, трижды
Я ранен буду, наконец свалюсь,
Уставлюсь в небо: птицы неподвижны, —
И, пробуждаясь, снова удивлюсь.

Я сон забуду, открывая двери, —
Промозглой серостью октябрь объят,
В саду застыли голые деревья,
А в небе птицы грустные летят.

.....
.....
.....
.....
.....

..... М А Л Ы .....

..... (Ст. Изборск) .....

..... Е. Ш. ....

Парома скрип в тумане и громады
Холмов из охры, путь к монастырю,
И зыбкий, зябкий день еще храню,
Как поздний маков цвет чужого сада.

Калины алым шарикам — отрада
Катиться по осеннему ручью
И впасть, быть может, в мощную струю
У мельницы умершей водопада.

И, словно в память, в землю крест вырастает,
А лес толпою воинов сбегает
К седому озеру с пятном челна.

Остаться бы... Но вечер настагает,
А смутного родства стезя ясна
Глазами ягод с памятного дна.

.....
.....
.....
.....
.....

Как беззвучно вращались колеса! Прощай,
Созерцатель спокойных картин!

Я останусь, покину тебя невзначай,
Оглянусь, — но уже не один.

Я поклясться готов, что любви не искал,
Кем ты в память мою внесена?
Но нагрязнили воды в забытый канал,
И погирла на дне тишина.

Мне б обвиться молитвой, избыть, растерять
Этот ритм, забытый в стихах,
Этот страх отражения, светлую статью
И руки полужнак, полувзмах.

Небо, ветром сносимое, выло и жгло,
В глуби глаз, в предрождении слез,
И затменной луной наше счастье возшло
На никчемный, на сумрачный мост.

А когда настагает врасплох, на мосту
Бог-томление, звездный палач,
Обучи мое сердце сносить пустоту
И доверься ему, и заплачь.

Мы танцуем под лезвием танец тоски,
Мы танцуем и молча поем,
Наши ночи легки, наши ночи легки,
Нет ночей наших, в сердце моем.

Прошуршит кипарис в незабвенной стране,
А дорога светла и мягка,
Но испуганный взор замирает на мне,
И сжимается робко рука.

Ни о чем не жалеть на холодной земле
Под колесами древних карет,
И качается мост, и проходит по мне,
И вползает в осенний рассвет.

.....
.....
.....
.....

..... * .. * .. * ..
О тебе вспоминаю все реже,
Не пишу тебе этой зимой,
Но, как всплеск у глухих побережий,
Возникает твой голос порой...

..... "..... * .. * .. * .."
В зеленом зареве разбуженного хмеля
Возник твой носик рззвый на миг,
За изгородью цепкой, там, нагая фея,
Где я тебя когда-нибудь настиг,
Где сладкий двор под солнцем так тянуло,
Как будто ты нависла надо мной,
Но все же я тебя не прикоснулся, ---
Там будто все нао разделял прибой.
Стихии, острова ветров, могильники атоллов,
Там будто все, стремясь на корабле
За тенью, не промолвившей ни слова,
Твоей, --- вот и теперь пропавшей во дворе
Протяжном, где совьется расчлененье:
Душ и вместилищ всех их душных грез, ---
Мгновение продолжилось, творенье
Чудес из слез и судорог --- нашлось!

И, разрывая стебли, шипек мягкотелых
Я на голову вовсе не слагал,
Я полз в шуршащих закутках хмеля
И голоса призывного взалкал,
И обретал призыв непроявленья,
И ожиданье другом было мне ---
Хмельное неизбывное томленье,
Где ноготки твои блуждали по спине!

..... * .. * .. * ..
...Вдруг неожиданно вбежишь, как существо
Неведомой восторженности... Боже! ---

Какое светится во взоре торжество,
Как все это на вечный сон похоже!...

Но легкий вихрь дверь отворит во двор,
Заросший буйными цветами, и мгновенно
Осознаешь: все было, с давних пор --
Все это есть, и будет. Непременно.

..... Из "Эскизов к портрету боли".....

(6, 8, 10)

Высоких встреч подруга пляшет предо мной
Видения морей летят над головой.

Пронзительно последний холст под солнцем

И чайка над застывшей волной

Художник переписат эту боль

Зудящей бесконечности струной

Быть может -- колокол

Скорее -- плаха

Под кистью слез и сумрачным скребком

Под чистый цвет отрадания и страха

В кровавом приделе ослепшего рыцаря кисти и слова
С точки зрения глаз на иконе Христа

И не отхлынет волна

И сфинкс усмехнется под клёв ухватимой звезды

Воплощение грядущей любви

Ты -- поиск иных перспектив

О палитра мудрейших высот

К созиданью военных из боли

Ты -- истина воли

Уводи чаровница

Летим

Утром там чашечка кофе, узорная трубка, цветы

Ах как помнишь мерцали у вод безмятежных

Омзоление крова

Океаном -- кастильский родник

Лавры для всех

Иерархия смеха вне скорбных теней святотатства

Ты в боли моей потеряться не смеешь --- останься
Рывком саксофона --- быть может еще побывать
Нам вместе в кафе герметическом где погибать
Приходят очастливые тени ---
Останься
В любви моей боли на выстрел струны оглянись ---
Коньяк недопит недокурена сладкая дымка ---
Скульптуры экстаза
Блудливые очи наложниц в зеленых трико ---
Непрерывная оргия боли ---
Банальное вечное празднество встречи со смертью ---
останься

Быть духом не думать о боге --- останься

Мы плюнем на снобов

Оставим наш холост остывать

Навеки в прощении неизречённой удачи

На острове дальнем у самого рта океана

На зоркой пластинке в порушенной книге рояля

В безмыслии верного транса иных побережий

.....
.....
..... ПРЕДВЕСТИЕ .....

В каком-то смысле это --- тишина,

Всплывающая с илистого дна

Моей души...

Но если честно, это --- соловей,

Угасший на развалинах ветвей

В судьбы глуши,

В глуши, в глуши!..

... Кто бы ты ни был на помощь скорее сюда-а-а! ---

Гибнет сон счастья в себе и за гранью себя же,

И, бездной созвездий хлестнув, завопят провода,

В смерть низводя под ухватистым ветром пропажи...

То --- предвестие!..

... Это понять нелегко...

И тому, кто замыслил худое --
 Не под силу -- не силе подвластно святое! --
 Плавать более, чем глубоко,
 Если целит мне лезвие в горло --
 В час тот дайте заснуть в ароматные воды пруда!
 -- Тот где сон; -- навсегда! --

... Там не зелень ли луга закатного, Господи Боже,
 То не рай ли мой ласковый строк? -- тишина
 Бестревожная, даль не видна -- бездорожье
 Холмов -- путь тенистого,
 Славного сердца... И было потом
 Так понятно, что тропы еще не протоптаны!
 Так, статичным глотаемый сном, --
 Прозревал,
 И рождала Земля,
 Плыли, как облака молодые...
 На коленях ли, лежа,
 Поддерживаемый, токами себя в себе --
 Не хотел бы вернуться!..

Пруд...

(Вы помните, рыцарь, его?..)

..... * .. * .. * ..

В тихом кайфе в мягком шелесте утех
 Тех обывающихся в дольных областях
 Неожиданно закончившийся смех
 Нам конечно небожители простят
 В час прощания о измаявшемся днем
 Подождем последнего призыва
 И останемся и весело зазрем
 В час прощания покойно незлобиво
 Вот и всё что стоид этот путь
 Искуплений ритмы ласковой и гуще
 В тихом кайфе в душной зелени уснуть
 Дай тревожный мой стремительный зовущий
 Не пронзает боль исканий и утрат
 Строчки пользой обрастают где-то
 И земли остекленеет взгляд

В темноте сгустившегося света,
 Опылённый, вырвавшийся 'вздых,
 По ту сторону всего, что пережито
 В тихом кайфе несвершившихся дорог
 Остаемая не забыты, не убиты,
 Вот и всё воздушный водоем
 Насекомые взвоятся острова
 Образующихся образов потом

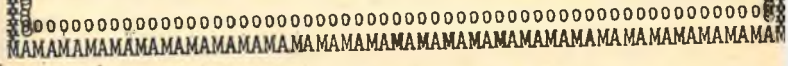
После: памяти, проникающей за слова
 .....
 .....
 .. Из "Вольных мыслей, по поводу
 .. "Если б вам здесь побывать", 7....
 .....

Скользила совесть мира по оврагам,
 Стелилась в девственном восторге пред собой
 Туманами, традиционными, как миф
 О сотворении, а дело было к лету,
 В каком-нибудь углу плыл пар от кипятка,
 В каком-нибудь другом, творя объемы грусти,
 Светло пронесся звон иных миров.

О другом, о том,
 Что и так на потом,
 Разве о черном котом,
 Пропоем о философском хвостом
 В разные стороны! Васелев: и
 ..... навсегда!

--- Пропоем обо всем,
 Потому как и выбрали сами
 ! В тишине обозначенных олепков,
 Отторгнутых небесами ---
 1) След из света,
 Уводящий след,
 Единственный.

Не облаком-дымом, а синей стезей,
 Не розовый-серый, --- алмазовым блеском: скорее,
 Устойчивым обликом плача,

Бегущей насмешкой вечности --
Пусть благословляет нас в каждом повторении!

Этот видел дорогу, тот вправе отстаивать океан,
А эти, прижавшись к холмам, -- вопрошали,
Те же и знать не хотят. Вихри, взмывайте и уносите!
Пусть скажи благословляет нас в каждом повторении!

Поистинне: все такое новое, как и старое,
Всегда одиноко, но ладно повт. сердца
Всех удалившихся. Вот проходишь перевёртышем зорь,
Протягиваешься, к узнаванию между зеленым и теплым:
Или горячим и и. и. о. те. ка. ю. щим, ибр. ....
Всегда ниоткуда рождается мир,
Умирает всегда никуда.
Пусть благословляет нас в каждом повторении!

Не поверить похожему научи нас, в середине
рождений!

На той стороне: возможного
вбирающей стремления,
Нетрудно уверять с. . . тебе.
наивных,

Представляя последнюю погоню
перед слышащими взглядами

Мол: печальное с вами
блаженство, -- и все же: --

С вами -- блаженство!
Поистинне (это так!

С нами -- блаженство.
Взрывайте!

О! О!

Пусть благословляет нас
в каждом
повторении!

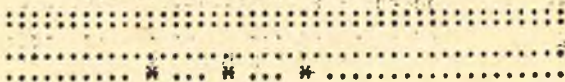
Разбивка -- плод усталости текстом

в тяге к оформительской импровизации: -- машинки пишущей,
не Редактора, не Автора...)

Что же, корабль Клио уплывает все дальше.
 Выпьем, радуя флегму превращений идеи!
 Память соленых причалов разлуки с былым ---
 Родина для уставших. Друг,
 Учись постигать снисхождение, знай:
 Если не зверя, то брата
 Непременно во мне обретишь.

Так ли уж гаден язык одиночества горький?
 Плеск весел, смятение чаек, дары Диониса...
 Заручаться бедою, любить до беспомысленства,
 Не поддаваясь успеху,
 Верить друзьям научаясь,
 Почти что не веря, что есть таковые --- друзья, ---
 Все, что осталось нам
 В нынешнем нашем изгнании, Кирин!..

Как прежде дрозд поет,
 И тлеет утренний туман
 Подъяблоневых стран, ---
 Тсс! --- посмотри: в прострелы --- тени, тени, ---
 Как: сердца бог вселенский ритм кует
 У взгляда кольцевого на отмычку
 Дверей судьбы заманчивого обденья ---
 Земли: бессмертной птичка... ---

Ты: моя чужая,
 Вечно у ворот
 Мы о тобой играем
 Не наоборот

Ни конца ни края
 Дождик все идет
 Спи моя чужая
 Вечность настаёт

Радуга растает

Шаг всего шагни

Ты моя чужая

Мы с тобой одни

Спите возле рая

Словно бы в раю

Спи моя родная

Я тебя люблю

Ничего не зная

И не первый год

Спите возле рая

Не наоборот

Ты моя чужая

Но за мной иди

Я проснусь я знаю

Вечность впереди

Не видать околиц

В цепких пустырях

Мы не станем спорить

Стоя в воротах

Так моя чужая

Мы с тобой в ладу

Спи моя родная

Я еще зайду

... КАЛЕЙДОСКОП .....
О Г а л е

В тот час когда заплачешь страшно вдруг

Представить как над пропастью далекий друг

Повиснет одиноко на веревке или

Что где-то облака спокойные поплыли

Нависших скал одерились громады

Какие грезы океан вели

А за стеной волна и олову надо

Суметь не оторваться от земли

О эта ночь мятежная кружится

Гибки любовь испуг и тишина

И взгляд мерцающий мечтающий забыться

Слезой застыть на перешейке сна
 Как будто в зал вошла немая вьюга
 Узор изменится вселенная усни
 Мы так забыты молчаливая подруга
 Отчаянные мир: до косточки узрим
 Дай прирасти к снежинке и слезе
 И ооль сдавиршей вечности вдвоем
 На золотой волне в сумеречной красе
 Сполна-оквозь всхлип и радость изопьем
 В тот час кргда заплачешь навсегда
 В ручьях исчезнет лунная тревога
 И мы уже о-ума ошли немного
 А на стене роятся города

Утонуть и забыть о любви
 Утомленному сердцу захочется,
 Осыплются ласки твои
 На песчаное дно одиночества,
 Осыплются взгляды и сны,
 Бирзовые шторы задернуты,
 Зифорический ритм глубины
 В тишине покачнувшейся комнаты.
 Распадаются стены и дни,
 Всея дна неподвижен веками,
 Мы, одни, бесконечно одни.
 Одиночество Бога над нами.

Влажноискрой улыбкой, цветет
 Память трав ватонувшей поляны,
 Гимн пралаи плывущий несет,
 Зачарованный сон Нараяни...

Утонуть, позабыть о тебе
 В непроявленной страсти и воле,
 Позабыть о себе и судьбе,
 Бушевавшей в разлуке и боли,
 В отрешении крайнем обрести
 Возвращение к неге олианной,
 В тайных грезях -- грядущего весть
 Над зеркальной отрадой Океана...

I

Покойный взор потайной пустоты
 Пресуществляет горный луч, лия
 Опавшие во время, как цветы,
 Раздробленные сгустки неких "я":
 Казалось нам во мраке простоты ---
 Простой, нагрянет Истина Твоя,
 Что мысль о ней --- действительней, чем Ты:
 И снов Твоих: уроненных края, ---
 Что нас призвал непостижимый жест,
 Как бы из запредельного низеринутый
 На дольний мир --- творение божеств, ...
 На божества --- видения Единого, ..
 Так представлялось ---, но всего лишь миг! ---
 Очнулись мы: узнать печаль свою
 И путь ея, как первозданный крик.
 В пустыне сердца, преданный огню.
 Мы принимали: исповедь коостра
 И, засмеявшись, забывали горе,
 Когда в дымах зажженных аллегорий.
 Порою представляла: красота...

Теснились горы в утренних очах,
 И бесконечно повторялись дали,
 А мы то зыблились, то осыпались в прах,
 То снова нас из мрака излучали.

2

Мы собрались уже давно и сможем
 Сказать, что никогда не собирались,
 Отсюда все увидели и знаем,
 Что вечно здесь присутствовали мы:
 Невдалеке от кладбища и неба,
 Разъятые эфирные сосуды
 В пространстве совмещения времен,
 В объемах, стиснутых порукой горизонта,
 Где вечный сон

Богат подбором личностей: опонтанных,
По капелькам бегущих в свитки омеха.
Как память об Источнике истока,
Припрятан: зеркала рождокох у любого, ---
Забывое, вылавливаем слово, ---
! Чья сила: вывозляет из потока..

Увы! когда увидели дорогу,
Мы вовсе не пролили смысла чаш,
Но тайна этих кладбищ нам открыта:
И были все испробованы маски,
И были здесь придуманы слова, *
И открывалась ярусом бесчетных
Вселенная --- гудящий Колизей.

Запеланая дорогу суховой,
И, как замороженные издревле,
Мы заблудились посреди ветвей,
Корнями вверх разросшихся деревьев.

6

Мы --- в засаде, в тени; мы закроем глаза, мы уольшим
Пробужденной в пляхах, прежде мертвую, волю сатира, ---
Это дышит под почвой, проглочена временем свыше,
Отречения тайна в черепках у развалин кумирен.
(Первой горстью гордись!) Над головой в паутинах
клубятся:

Луч --- "спектрая" --- и паук над отчаяньем бабочки. ---
"ой!.."

Слышно (память земли: над горящими трупами: пляока
Света: ль, плача: ль --- скажи?! --- и могилу:
...В облаках ли теперь потаенные помысли: наши?
Так ли свят человек, обещающий и посох, и путь?
Тихью ранней внемли: над огоревшими душами пляшет
Дух чарующий омеха --- (причины его не обессудь!..
Глубже, глубже!.. Уже до оравнения с книгой раскрытой
Остается какой-нибудь век непрерывных горстей.

Слава мраку -- зарыты, тяжелой, землей, позабыты:
 Воплощенные следствия невероятных затей,
 Мы мечтали во сне посетить голубые мечети,
 Мол, уже для летучей печали прозрачны вполне...
 Глупыши! не послушались, нет, -- убежали, как дети!
 Но ты помнишь Его? -- Он молился взосшедшей луне.
 И дано лишь молчать перед ликом Хранителя трансая!
 Из колодцев метафор последние капли ушли.
 Боли время постигнешь -- умрут караваны-пространства,
 Но чем глубже в олова -- тем уступчивей глотка земли.
 .....
 ..... * .. * .. * .....

"В клетки пошлой игры
 Заточали твое овятотатотство,
 Может быть -- до поры,
 Только ты не оумел отказать.
 Здесь терпенье твое
 Испытает тебя, оохранит?
 Сонных цапель жилье, --
 Словно в небе: твой взгляд заболит, --
 Странных веток: турьма,
 Напряженно ловил сердца стук,
 Видно -- что-то не так,
 Коль туманна твоя голова! --
 У туманов гряды поднебежной, --
 Только троп кочевых заповеданность,
 "Только лишь потому, что ты -- каменный,
 Отуманенная голова!..
 На болотистом дне... Белой птицей тебе не взлететь.
 Только взор и живет: продолжается омена закатов,
 А на узкой дорожке -- встреча друзей -- разминувшись!
 Не узнали друг друга, сосредоточенны были..."
 "Учитель говорил: "Наблюдайте за чередованием
 Но не читайте, что вы -- нечто отличное
 От вашего взгляда, когда уже нет вас..."
 Когда же осушали болота отвоеванной провинции,
 Туманный камень был-таки вынут из грязи
 И восстановлен во Дворце Немолчных Благовоний,
 Как образец неоправданной горделивости,
 Учитель тогда произнес: "Разве есть из вас кто-либо,
 В оушности: отличный от этого камня?.."

Люди молчали, словно великое облако —
 Обернулось камнем кривобоким,
 В овитках Колесничего превращений кочуя...
 Учитель долго потом надо мной потешался,
 А я все сказать не решался,
 Что всего-то и воспользовался он
 Тишиной, не людской... Но мысли эти
 Я обрывал, не имея желанья выглядеть суеверным.
 Так больше мы и не заговорили. Так и разошлись
 В разные стороны. Не помню,
 Но как будто бы я казался себе добродетельным,
 Не знаю, может быть, все это также смешно...

Совсем высохли собранные листья.
 Может быть, иначе придется вновь
 Свейной пустыни шелковый обманчивой
 Не оттуда ли музыкой потчевали меня в Павильоне зорь?

Тени в фарфоровом шарике были забавны —
 Да и я засмеялся,
 Выхваченный из бытия второй августовской луной:
 Так далеко — как это было давно...

О олене, стекла разбиваются волны,
 И на стеклах видны их следы,
 В цепи, в рдоррордей, дом закован,
 А вокруг — только царство воды.

Полон воздуха наш аквариум стройный
 И в нем свет голубой, голубой,
 Один этаж его — над водой,

X Другой этаж — под водой.

Слышно — сердца стучат неустанно:
 Такая стоит тишина.
 Иногда лишь доносится гул океана,
 Боли большая волна.

И еды, и питья в доме вволю,

У пучинных молитв пена роз отскрится шипами,
Облаками позорища пляшется танец щута,
Но тем громче расцветенный грех не поблекнет стихами,
Чем блистательней троп низверженья с глухого листа.

Я бы мог рассказать, как в жилище безумного слова,
Бродит страшный младенец с игрушечной саблей в руке,
Как в делирийном замке от века выкрикивал в совах.
Смысл бессмыслицы смысла, и пол закипал в потолке.

Как подлец к изумлению страха умел обращаться
То покойником голым, то был господин в домино,
Как болезненно сжались в преддверьи его провокаций,
И никто из святых не заглядывал в скуки окно.

Я мечтал увести в лабиринт дерзновенного дыма: —
Необъятное диво дерзало на дыбе мой дух,
И на плитах пути отчеканилась тень пилигрима
От спрлоха, что тайной окраины тверди потух.

Я не мог ничего! Я, быть может, еще не родился,
Как, заплакавший хохотом, трупов пространство разверз,
На донжоне проклятья язык мой, трехмильный дымился
Под лучами затмения и все-таки в облако лез.

Капители шипели, колонны питонами стали,
Но сейчас же осыпавшись в неизмеримейший шурф,
Мы с самими собой черепки затонувших искали,
Не брвавших времен, где нас было не менее двух.

Как нас более стало, уже не припомнит кручина
Лиловеших зарев и пурпура герба в щите,
На лавурном стекле мировая плескалась кончина,
Гнили в небе драконы и не было места мечте.

Так доньше пою средь осколков и искр несвершенья
И прощаюсь, а в утренний сон входит сумрачный дождь,
Столь похож на судьбу — догорели в камине поленья —
В неразрезанной книге заманчив мерцающий нож.

Странник смеха, прощай! пилигрим неизбежного плача
Отразился от тени, чтоб стать полутенью, и вмиг
Вижу в око строки, как на маковом поле маячит
Еще: более жуткий и бесперспективный двойник.

О, ты помнишь ли мир из проржавленных шахмат решетки,
Как великая конница смерти блукала в полях,
Как слепая рапира в потемках нащупала четко.
И, поддев за кишки, намотала на месяц твой страх?

Спектр по струнной апатии мысли развенчан ваяньем
Саркофага любви к бездонной игре в словеса,
И, просясь, уходит со свежим денницы дыханьем
Некто столь безмянный, что вытекли в травы глаза.

Он не мог ничего! Он еще не способен родиться!
Это в добытии! Будет проклят зачтущий экспромт!
Но атакою розов, мертвец, как младенец, подняться
Смог по сердцу, смеясь, и вспорол вязкий мозг, словно
торт.

Все, что будет потом, — безразлично сыскавшему угорь
На носу бытия, ибо этот маразм не прощен,
Ибо в этой душе полыхает нетленнейший уголь
И кичливым свинцом аппетит этой пасти впоен.

Может, это — театр, не подскажешь ли, шустрый ублюдок,
Иль, урвав мертвечины, уже ты о жесте забыл,
И, гримасы не скорчив, добычу сожрав за минуту,
Расстелился на сцене и занавес не опустил?

Как дрожали в коврах перед поступью маленькой твари!
Отчего не могли заручиться вдруг ритмом иным?!
Лишь — в провал! — лупоглаз водолазом в провале.
И и ты, да и он, и глухим продолжается мим,

И, блуждающий мимо любой конечной идеи,
Господин в домино поджидал возвращения нас,
В глубочайшей из впадин под замком, как с трупиком феи,
Мы блуждали с надеждой на смерть без прикрас.

На могли ничего! И назначено ль будет родиться?
Кто нас вырвал сюда, как нам дерзоступить квежизм,
Если в мертвых очах электрическим скатом резвится
Ожиданье врага, преломленного бездною призм?

Диссонанс унисона, роптавший в полуночном тигле,
Грезил в лифт Атлантиды, глумливого ила ища,
Но все так же безумен, хоть в антибезумия книге,
Мир поруганных арф по клублению дна верещал.

Как припомнить тот луч, что не хуже треклятой рапиры,
Вызревая во чреве побега поверг на прием
Долгожданных гостей для последнего черного пира,
В беспредельность зеркал и соитий за каждым углом?

Перевернутый свет ввел в фойе театрального крика,
И бессрочный билет за монету греха предложил
Полурогий швейцар с бесконечно циничной ухмылкой,
И пред статуей срама: ты пал без рыданий и сил.

Кабы все это смочь — но всегда в проступающих бликах
Будет явлен соблазн, обладанья точеньем тоски,
И прощаешься ты, и торжественны зрителей гики,
И кокетливой тварью любимая из-под руки.

Принесите ж быстрее мне кубок мгновенной отравы,
Я вернусь никуда, кто придумал меня в этом сне?!
Почему это скопище рож. воспевает мне славу?!
О, куда меня мчит на хрипящем и бледном коне?!..

Я грызу, как змею, луч горючей звезды, вспоминая, —
О, не вспомнить! — когда утерьял отраженье свое,
Это — ад, и навек! — все: младенец, омеясь, набегает,
И развратная статуя песню бессмертья ревет...

...Впрочем, — вправду дождливо. Сжигаю последние строки.

Все уже прочтено и — забыто. — Прощай,
Инфернальный наперсник взмывающей пеплом дороги!
Спать пора. На земле продолжается май...

.....
 ..... * .. * .. * .....
 .....
 Как нежданно-негаданно
 Любуется счастье тобою!
 Зори светлого ладана —
 Это мир над твоею судьбою,

В домовине хрустальной
 Лежащая без движения,
 Ты с улыбкою дальней
 Идешь своего воскресения.

О царевна, о истина!
 Этот путь для страшных коней,
 Это время исчислено,
 Начиная с улыбки твоей!

В холодах помрачения
 Она — непогасшею искрой —
 Это страх воскресения,
 Это восторг очень близко!

.....
 .....
 .....
 ..... * .. * .. * .....
 .....
 В овраге памяти с тобой мы не враги,
 Пророчица, стремительная птица!
 Бессонной жажды вздох сподобится напиться,
 Заворожат в очах дождя круги.
 Захлебывающегося пути
 Мотив — и тон почти непредумышлен,
 Как песня новая грозой налетит,
 И оползут колдобины и ниши.

Дождавшись шепота луны, успокоенья,
 Кто ж этот мир потопа воплотил
 В прозрачности усталых вод над пеньем
 Таинственных и затонувших сил?..

.....
 .....
 Наверно, тот, что пел, — хотя бы невпопад,
 Хотя бы крайних строк светила безответны! —

Кто — стих, постигнувший причуды ветра,
Смятенье птиц, смертельный водопад...

Быть может, в том успех, что стих переиначит
Стрижа и ласточку у глиняных замет,
Бороздок, и пещер, и гнезд на стрежне лет
Неведомых, у мудрых русл от плача
Небесного узора немоты, —
И ты, о горний мой, отпустишь на свободу
Магический размер, зашелестят кусты,
Предчувствуя большую воду...

Ж . . . . Ж . . . . Ж

Летом трели заклятого круга назвать имена.
Дум кануна отлова основ, у росы многоокой —
Шумных лун зеркала, — от потоков не мутного сна,
Но от молвленной-дичности лишь предстоящего рока, —
Это — зелень закатного луга. опять повела
В струны струн, в зовы зовов красы одинокой
Лунных рун, то — глубокая мудрость отсутствия зла,
То — уловленной, сущности тишь у гремящих истоков; —
Там любезная полночь тебя в колыбели качает,
Скал знакомый презубец увенчан гирляндой туч, —
Романтичнее некуда, — свиток запечатлевает
Тень на горной дороге и рифма банальна — "у круч";
Соболезнуй солнечным кряжам во тьме и печали,
Заколдованный бубен, очерченный взглядом, — тянуч, —
Безразличнее след избытка троичности, — тает
День, надорванный слогом редифов сакральных,
как ключ
К свету, — и россыпь наплывов окрестных, и гон
Горя звонов, не хающих притчи на стане молитвы, —
Отболи ты укромно, как прежде! — расставлены плиты
Несть скаженность могучую, выкладывая в закон; —
Это — постушь счастливых нашествий, уклон
Горизонтов стиха от статичного, — грани размывы —
Поразлиты затоны, надежды на славу убиты,
Есть блаженность лишь куц, перекатываемость волн...

..... ж .. ж .. ж .....

На утрилице вишен упадка
Август. Кровью наполнилась кадка.
На рассвете брочка детства
Застрекочет по камням,
Как поклевана по веткам
Жертва шустрым воробьям,
Окромя смороды глаз
Есть окно шестого часа,
Из лампы светит Спас
Кареглазости атласной.....

Как нахло малиной в брошенном дедовском доме!..
Под треск половиц не исчислишь грядущего,
В груди великана небесного круга текущего
Слагаются ливни в истоме, —

То стайка молодых облаков
Судьбы повозку провожает
В предгорья тоски и блага,

И пропитается бумага
Посулом давней ворожеи
Из-позабитых слов...

..... ж .. ж .. ж .....

Глубоко сечёт, когда хочет,
Верхогляд — перламутровый кочет —
Звездочет на полуночной стрехе,
Часовой у летучих мышей, —

Паучиха лучит свою пряжу,
А по млечному мёрзному кряжу
Звездопада желаний прорехи
Из чердачных отверстых дверей...

Заползает за северный склдон
Семицветье Ковша на заре,
Деревянный горлан окрылен

Ветерком, что смерчил на бугре.

Далеко течет — да и ночи
Все про то — по Небесной реке
Взор, означенный на поплавке
Звездочки непорочной.

Близко осень. В саду — ни зги.
Даже запад оставлен Зухрой.
Мальчик ольшит: по крыше шаги —
Звездочеты пришли за судьбой...

Заговори в снега, где замки о зиме,
Икрыйтый окрип в ночи и оатурналий сроки,
Мороз, и мост окользит, и тени две во тьме,
И фрызжет Сириус на северо-востоке.

Заслышь: не тишь! — лишь звезды в нишах по кайме
Уже блуненного окоема..., в шоке,
Прощиты инеем, ольшанники..., — немей.
Чем нынче — уж невмочь, закованы потоки.

И только тени две под взгляды Близнецов
Качнулись, вниз сошли, как будто с чаш Весов
(Пожалуй, рифме дань, неявных над зимой), —

Очнуться близ земли мерцавших словес,
Когда-то, полночь, неся все тот же крест —
Отринуться светил, не оовпадая с тьмою.

Есть берег ранний.. И на этом берегу
Звучит рожок, изваянный из грусти,
Его протяжный, дребезжащий гул
Играет оказку о негибнувшем искусстве.

Лишь только занавес ночных небес открыт —
Пронзительно печаль великую зовущий...
По радости, — как бы и: впрямь гудит

Рожок -- прологом из небесных, кудей.

Казалось, небосвода спелая повозка

Рассыпалась лучами по волнам,

А после на песке в соленых блестяках,

Разбила свой незримый балаган, ---

При неизменном оолнечном потоке:

Он иногда заметен в глубине

Круговорота миражей высоких

На самом дне, на самом дне...

Тогда и человек из волн воскрес, --

Кораллы, раковины жили, выползали

На берег ранний, где горящий лес небес

Многозвучаще воды отражали,

Но оставались за спиной. Навстречу звуку шел он,

Как будто сам кого мог звуками манить,

Когда бы не был слит в лучах с немим атоллom,

Где нимб ни в чьих глазах не отразить...

Есть берег ранний, только нет следов

В течение веков оставленных кем-либо,

Гудит рожок один среди сказочных песков,

И, морем выброшена, пляшет в гальке рыба.

Все сердцу чудится живое,

И потому, и потому

Оно рождает лишь такое,

Что только б чудилось ему:

Тогда и впрямь, в оврагах дальних,

Большие, душные цветы.

В изнеможении печальном

Струят напевы немоты...

Парабола

...Следил себя, — и вот же, так случилось,
 Что не заметил, как аж с собой, покинув,
 До четверти, пройди земную жизнь,
 И очутившись пленником Долины.
 Была она изведена рекой,
 Давно другое русло отыскавшей,
 Обрыв — курящ, — взбухая подо мной,
 Будто надрезом в памяти обоставшей
 Вдруг лопался, — бездвижный дном отрог —
 А деревцо над кручей пригнулось,
 К стволу которого, припавший, мог
 Прилушиться, как душа молилась...

Тоню: багровых гомон, по хребту,
 Бубняж — и царотвенным сущельем, вопорот,
 Сугубов лишь, лижет высоту,
 Заря, но пуще зимних красок, голод,
 Во иглу дорога обреченно шла,
 И разделяла надвое долину,
 Смеркался, монолит с оври, крыла
 Корявет, сжимая реку, вскинув...

Куда лететь? возможно ли? Душа
 Привыкла к неподвижности, как к смерти
 Но вот же здесь, пространствами, шурша,
 Всё вечно пронизывает ветер.
 О, дебри скал!.. Молился, я и камень
 Промокшими, ногами, попираю —
 Прошил — о чем? — несвязными словами,
 Молчанием, в свиду, его столь мал,

О, одиночество дерева и камня!
 О, отделенность вашего всегда!
 Когда бы не во мне оказали сами,
 Как долго возвращался я сюда!
 Округ — сплоченье сумерек, роенье

Благодарю за то что дождалось!

Туманный слог висит сиреневой хламиде,

А вот и для--кострас валежника--нашлось.

И жертвы мирной пламя в путь заката

Взойдет, искрясь, пусть непомерность пут

Пространств отхлынет!.. Ужин небогатый,

Уже и звезды на небе прядут.

А как был полон день надежд и мыслей!

Костер углубляет тьму вокруг,

Но вот потух, и вновь разверзлись выси,

Иду -- и впереди деревья вдруг.

Стволы березовой аллеи очастья!

Луна -- на лево, справа -- солища луч

Последний в полотне карминной масти,

Тесным тяготой ультрамарина туч.

А позади мой образ остается

Под деревом у камня над рекой

--- Былой.. Но верь -- душа еще вернется --

Всегда, туда -- за смехом иль тоской!

Душа вовек вернется к желтым травам,

--- Взмывающим, из онага к небесам;

Иль пылким летом, -- так уже бывало,

Так будет снова, ибо вечен сам!

О жет! она молилась не напрасно!

Сума не натрудит плача в пути.

Безострастно созерцание -- приотрастно,

Движение и покоем освятив..

Вернуться к трансу обличков, к разбросу

Невыраженных чувств под тишину,

По вере воли жертвенных покосов --

В Долину оути, отранную отрану

Познания... Сказать, что сердца часть оставил --

Войти в разлад о молитвой и судьбой:

До мачт, верхов пронизанный тобой,

Корабль-мир -- несокрушим и славен --

Блистательно проносится над тьмой...

Настанет день, XС домашнего балкона,

Ты выпадешь в былые рубежи,

Нат; даже 'и' не "о!" в зенита овет
 Врывалось щемь сердца счастливой,
 И не тощало, источенье, лепт, --
 Но неизбежное, шуршащее, курчавое
 Переливалось роц руно проказливо
 Над лопотавшей: в стьни лавоу.

То не был произвол завязшего мазка
 Сказителя-создателя -- тебя наставшего, --
 Когда лишь истину восторга знаешь ты,
 И от истока околь ни далека --
 Дорога -- выше-все, и мглу любя, испавшую
 С недр дири и ее же: выности...

И познавать поочаще овраги,
 И перелески в курчере отрогов,
 Пути порожистого, прынувшую с даль
 Ты только, что -- гляди! -- грядет с бумаги,
 И расправляет крылья понемногу,
 И олог тот вечности пожертвовать не жаль.

Нет места для "увы!", невыплаканы очи, --
 О Вышний! столько жизни и тепла!
 В степи небо, на пастибищах сгоревших, одиночеств
 Тень путника: дедла,
 Но -- вот: она уже, врастает в лес, --
 Тень путника здесь в лес, проникая изумрудный,
 Луч взгляда -- в глубину -- немые чудеса:
 Ворожея-осна и камни голубые,
 Все облики олепные --
 Неподспудны -- неподсудны!
 Их видишь ты -- они тебя тни зги.

...Невольно вспоминается провал,
 Колобращенье лавы, дыма, -- грохота,
 На время свет пропал --
 И вот "нахлынул, и царит, и много, так!..
 Вкруг окол взмывает шустрый серпантин --
 Ай, медлит шаг, оладимость глобализма! --
 И катаклизм картин: -- пучин, долин --

Как бы былой выслушивает призрак...

Как много синего! а красного! Стремит
Титан из бездны оудорожно руку,
Но на ладони звездочка горит,
Гигантскую развеивая окуку,
А справа и вверху --- чуть ниже (немоты ---
Уже и облака над пиками --- к дождю ли? ---
По скалам жадно ввысь всползли цветы.
И где-то по ту сторону очнулись
И видят: неподвижные они,
Оранжевы --- лишь кобальт (скал оближут ---
И вновь мрачны, словно навечно книжны...
Расщелины мелки: --- ракушки в них одни.

Туман действительно вступил в свои права
И закружился --- липок, нагл, напорист,
Поникла, жалко выхвачена, в горе,
Племен увядших бога голова,
А вот уж и очей не видно бога,
Чела --- густеет мгла, все серое кругом...
Еще одна: --- к чему тебе? --- дорога...
--- Ни сам он не ответит, ни никто...

Вибрирующий космос леплен словом ---
Ему ль, бескрайнему, вести в обитель сплина
По рухнувшим крылам, в пещеры исполинов,
Минув перевалы олепшей кисти?
Но сколь бы ни была тропа сурова ---
Еще тоски рождение не близко,
Проходишь мимо...

...И как бы мимо ты проходишь и идешь
В лучах росистых! сочной луговини,
Где древо повстречать не чаял уж опять,

И полубезнадежно шепчешь: "Ложь,
Не может быть --- ведь счастье самой длинной
Тропой меня назначено догнать,

А ныне так близка святая зелень!"
И --- вниз (быстрей) слетает взгляд,
--- как солнечная лень,

Взахлёб предвосхищая проявление

Под сенью крон прозрачных... Птицы жизни пели
В тот неизбежный день...
Где обозначен буйный рост стихотвореньям.

Взлёт и любовь оплели и --- расцвели.
Немые образы все позади остались,
Цветами вышли звуки из земли
И о бабочками обвокуплялись.

Пошла широкая река --- мадтами по колено ---
И плавно в явь, развернутой ---
Духовных тканей! --- зыбь бирюзовой,

Играла пена,
Не ускоряли хода свёртки волновые,
Не ожидая воплеоска овера иль крова
Иного, нежели благого. Имени...

...Уже идя по берегу Тому,
Узнать, что не отбрасываешь тени,
Осыпавшейся за перевалом,

Который позади ушел во тьму,
В глухие галереи привидений ---
Да ведь там то св. лазурь - то взмоут окалы..

...О да! Уже как будто просто некто
Все по течению на солнце удалялся,
Как волны, чередой за чередой, ---

Субъект объекта и объект субъекта,
Когда под деревом от века созерцался
Любимый образ --- именно такой!..

Покой!.. Нет слов, а только растворенье,
Знойно мерцание, струение реки ---
Все сжалений, то невозвращение!
И взора Так Вотупившего смешки.

Так вот где бьется сердце всей вселенной!
Недвижно дерево. Вращение --- окрест.

Под ветвью свет отдал в самозабвенье,
Чтоб кто-то вновь сюда идти воскрес.

ИЗ ДРЕМУЧЕЙ ЛАВКИ

8. 12

Последним утром, в небе чёлн заметен.
 Уже зажжен огонь, уже продолжен
 Протягновенным образом, в дымах,
 Уже пробуждены — разбиты — клетки,
 Мой: облачный и никому не: должный,
 Ты погребён в пространственных очах!
 О, представляемый полет: над: блеском: Парфянских
 Парфянских блюд глазуревого солнца, где: частых
 Где частых трещинок томья глубина!..
 А боль сойдет на нет, угаснут всплески
 Великих рек, а строчек занесенных
 И вдохновенья выдохнут до дна.
 Не будет в мире места о тебе!
 Остнут взор и слух, оставят стоны,
 Забудет бодрствовать, пудьсируя в божбе,
 Ритм пустоты.. Едва не отрешенный,
 Листну лобзающий безумья ветерок:
 Летит о кострищ, перенасыщен: прахом..
 Ты ничего на овете не: сберегу,
 Лишь в смерти став, лишаясь сты: страха,
 И --- танец немоты сторевших рук,
 Чей жест простерт от края и: до: края
 Ты станешь всем, что пропускает звук
 И всякий: след бесстрастно отражает...

Кому: вернуть зажженную: свободу,
 Любовь невыносимую и путь,
 Когда темна великой: жертвы оуть
 И: страшен хлеб, отпущенный по: водам?!..

О, тусклый месяц в небесах: пустых,
 Померкнувшим светилам: соплеменник,
 Затертый утром: протяженья пленник,
 Щербат твой: лик и пульсо: прискорбно тих.

(...Совсем уйдет, не вижу ничего, Мое создание, возможно — божеество...
 Когда бы вспомнить первое: желанье!.. Когда бы знать, что не было тебя.)

... Ползли от обмирающих сердец,

Из лепестков опавших --- облаками

Едва опанутого ими горизонта,

И медлили погаснуть в океанах

Спокойных глаз Твоих...

Скорее мозаичный пол, когда-то

Затопленный зеленым безразличием

Волн времени, --- внезапно вспомнен зыбко,

Да память не задержится на том...

Скорее слов не сыщут откровения:

Постигший замолчит. А возле тучно

Отягощенных мандариновых деревьев

: Резвилась детвора беспечно. Ручей

Поил и льва, и антилопу,

И лишь порой подрагивали горы

Созданий, воплотившихся вокруг

Исчезнувшего края возрождением,

Вспоившим тело молодой мечты

Об избавлении от утомивших ласк,

Бессчетных солнц, песней, хрустящих яблок,

От сумерек изветливой любви

В горько-оселенных играх расстояний...

В порушенных сердцах любых исканий...

Так мы сидим --- двенадцать тысяч лет ---

В Дремучей лавке, где дурманят, в знойных

Полях взращенные, изысканные травы,

И так мудры, так кротко малословны

Смешные речи наши, что ничуть

Мы миру помешать не можем ими, ---

И он забыл о нас, и это --- благо:

Наедине с лазурной пустотой!

Быть грезой вращающейся, --- знать

Извечность в небе поползновенных знаков,

Шурша сердец листвою непреходящей,

Усталую бездоцным постигать

Умешку глаз Твоих, спокойных глаз Твоих...

..... * * * * *
У берега, на странном отголоске,
Затеplилась пекарня бытия,
Безглазые отхлынули моря,
И травы хлынули, потрескивая шерсткой
В огне исходных дён, ---
На дне себя, ---
У свайных волн в истоке корабля,
Сходившего в пргибель и полон
Во храме мира жертвоприношенья,
В семь скудных дней чистилища божеств, ---
В захлёб хлебов на пашне перепутья
Захлёт снегов сна тацит, беспробуден...
У берега утраченного утра ---
На' ---

Гимн Молчания, --- себя он превозмог,
Нагим отчаяньем слепя стон, как изрек:
--- Возьми!..

у перечисленных дорог
Поджаристого хлебца на дорожку..

Загадка? Но морали не ищи ---
Всё так и было, как огнем воспето,
Когда исхлётостозванные бичи
Лучили молнии взорвавшегося света.

..... * * * * *
Только лики прошлого, бледнея,
Только власть изменчивой природы,
Пауки повисли в галерее,
Образов померкшие фигуры.

Чердака тревожащие звуки,
Неразрывны утро, день и вечер, ---
Милая! за что такие муки,
Где сыскать прощение и встречу?

Голос упования, умер в лете ---
И ни захлебнуться, ни напиться.

Каждою осенью.

Но настает день, настает
День, когда и песня замрет,
А мне брести, пропадать в дымах,
Как в этого грозного неба громах.

Тучи рвутся, идут, и грохочут они,
Погружая в жуткую мать,
Под панцирем неба сердце смилив,
Знаю, — ранним будет мой путь.
В иные земли, в другие дни,
И осени мне не вернуть.

Я увижу чужих птиц тугие пути
Среди ранних снегов,
Господин, и мне никак не уйти
От прощанья печальных слов...

(Завиточки словес, точных образов лес
В грозном вечере, к ночи размыты, растают.
Показалось, что марионетку небес
Эзра Паунд в каталке "Катая" катает...)

Ты доверься печали былой,
Сердце, опой на очерченной лютне пространства
В светлом доме из лунного сланца
В том размере, где плач и покой.

И тогда проречешь: завтра утром — простор,
Под пылающим солнцем снега дальних гор,
Но до завтрашних яркоголосых лучей
Еще пропасть сегодняшних грянет дождей...

Господин! разрешите мне вам пожелать
Одиночества долгих путей:
В коем вам доведется еще повстречать
Расставание с лютней моей...

Рыбачье на Исонк-Куле
Западный ветер Жилище Дракона